
А. РАВЕН
Реставрация любви

А. Равен
Реставрация любви

https://litres.ru/74736084
SelfPub; 2026

Аннотация

Она реставрирует старую мебель и не верит мужчинам. Он реставрирует исторические дома и не верит в любовь. Их заперли в одной усадьбе на три месяца — и это только начало.

Ева Марченко — дерзкий реставратор с разбитым сердцем и шуруповёртом в рюкзаке. Артём Соколов — педантичный архитектор, который считает её работу варварством, а чувства — нарушением регламента. Она зовёт его «человек-инструкция». Он зовёт её «невозможной». Оба правы.

Но в старом столе Ева находит письма XIX века: трагическую любовь дворянки Анны и архитектора Дмитрия. Дмитрий — прапрадед Артёма. Он исчез при загадочных обстоятельствах, а Анна всю жизнь хранила его письма. Разгадка тайны сближает Еву и Артёма сильнее, чем грозы без электричества.

Проблема в том, что Артём боится потерять ещё одного человека. А Ева боится снова поверить. И обоим придётся решить: починить себя — или навсегда повесить табличку «Реставрации не подлежит».

«Вещи не предают. Люди — да. Но иногда стоит рискнуть».

Содержание

АКТ I. «Вражда» Глава 1. Человек-инструкция 4
Глава 2. Правила и исключения 9
Глава 3. Ночь в усадьбе 17
Глава 4. Стол с секретом 23
Глава 5. Гроза 30
Глава 6. Утро после грозы 36
Глава 7. Письмо 44
Конец ознакомительного фрагмента. 47

А. Равен
Реставрация любви

АКТ I. «Вражда» Глава 1. Человек-инструкция

Есть три вещи, которые я ненавижу больше всего: мужчины, которые считают, что женщина с шуруповёртом — это угроза общественной безопасности; кофе из автомата, который отдаёт пластмассой; и слово «регламент».

И вот сейчас, стоя на гравийной дорожке перед усадьбой «Лунное», я понимала, что все три напасти сойдутся в одном месте. Потому что из-за угла дома вышел он — мужчина в сером костюме, с планшетом в руках и лицом человека, который только что узнал, что его любимый паб закрылся навсегда.

— Ева Марченко? — спросил он тоном, которым обычно сообщают о смертельных болезнях.

— А вы, должно быть, тот самый человек, который испортил мне настроение ещё до того, как я вошла в дом, — улыбнулась я. — Артём Соколов, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — он сверился с планшетом. — Ваш автобус прибыл на двадцать минут позже. Это уже говорит

о вашей пунктуальности.

Я поправила лямку рюкзака, в котором лежали мои самые ценные инструменты — шпатели, кисти, шлифовальная машинка и любимая кружка с надписью «Реставратор — это звучит гордо, но платят мало». За спиной у меня был двадцатикилограммовый груз, в душе — развод, в голове — мечта, а передо мной — человек-инструкция.

— А ваше приветствие говорит о вашем чувстве юмора, — парировала я. — Его, похоже, нет.

Он моргнул. Один раз. Медленно. Как робот, у которого зависла программа «вежливость».

— Я здесь, чтобы курировать реставрацию. Фонд выделил грант, и я отвечаю за то, чтобы всё было сделано по протоколу. — Он сделал ударение на «протоколе», будто это было имя божества. — У вас есть разрешение на работу с историческими материалами?

— У меня есть разрешение на работу с деревом, камнем, лаком и людьми, которые считают себя богами, — я подняла рюкзак. — А ещё у меня есть шпатель, который я могу использовать не по назначению, если кто-то будет мне мешать.

Впервые за всё время на его лице что-то дрогнуло. Кажется, это было удивление. Или несварение. Сложно сказать.

— Следуйте за мной, — сухо сказал он и повернулся.

Я пошла следом, бормоча себе под нос: «Человек-инструкция. Интересно, у него в голове тоже есть кнопка перезагрузка?»

Дом внутри был ещё хуже, чем снаружи. Пыль, паутина, мебель под белыми чехлами, запах старой бумаги и мышей. Но моё сердце застучало быстрее. Я видела не разруху — я видела возможность. Каждый скол на дереве, каждая потёртость на паркете — это история. И я умела эти истории возвращать.

— Ваша комната на втором этаже, — Артём остановился у лестницы. — Моя — напротив. В целях безопасности и контроля.

— Контроля? — я изогнула бровь. — Вы серьёзно?

— В доме нет видеонаблюдения. Я должен быть уверен, что вы не вынесете что-нибудь ценное.

Я рассмеялась. Искренне.

— Артём, вы видите перед собой женщину, которая тащит на себе двадцать килограммов инструментов. Если я что-то и вынесу, то только ваши нервы.

Он ничего не ответил. Просто развернулся и пошёл вниз, а я осталась стоять на лестнице, глядя ему вслед и думая: «Господи, дай мне терпения. Или хотя бы ещё одну кружку кофе».

Первые два часа я провела, исследуя свою комнату и пытаясь понять, где здесь розетка. Розетки не было. Зато был старинный камин, резной шкаф и кровать с балдахином, которая, казалось, помнила ещё Пушкина.

Я разложила инструменты на полу — так мне было спокойнее. Каждый шпатель, каждая кисточка — это часть ме-

ня. Я погладила деревянную рукоятку старого рубанка, который достался мне от деда. «Ну что, старик, — прошептала я. — Посмотрим, что здесь можно спасти».

В этот момент дверь открылась без стука.

— Ужин через час, — объявил Артём. — И ещё: я нашёл в гостиной старый письменный стол. На нём есть ящички. Судя по каталогу, они могут содержать исторические документы. Прошу вас не трогать их до моего осмотра.

— А что, если я просто хочу посмотреть? Я же реставратор. Я умею обращаться с деревом.

— Вы умеете обращаться с деревом. А я умею обращаться с историей. Это разные вещи.

Я выдохнула. Медленно. Как учил мой психолог после развода.

— Артём, скажите честно. Вы всегда такой... деревянный? Или это только со мной?

Он замер. И вдруг — я готова была поклясться — уголок его рта дёрнулся. На одну миллисекунду. Но это было.

— Я просто не люблю, когда нарушают правила, — сказал он тише.

— А я не люблю, когда правила нарушают людей, — ответила я. — Мы поладим.

Он ушёл. А я села на кровать и уставилась в окно, за которым темнело небо.

«Ева, — сказала я себе. — Ты только что флиртовала с человеком-инструкцией. Или это была агрессия? Уже не пом-

ню. Но что-то мне подсказывает, что эти три месяца будут очень долгими».

Я не знала тогда, насколько права.

Глава 2. Правила и исключения

Утро началось с того, что я обнаружила в своей комнате мышь.

Не то чтобы я боялась мышей. Я выросла в частном доме, где мыши были такой же частью интерьера, как скрипучие половицы и вечно протекающий кран на кухне. Но эта мышь сидела на моём рюкзаке и смотрела на меня с таким видом, будто это я вторглась на её территорию.

— Доброе утро, — сказала я. — Ты, случайно, не знаешь, где здесь розетка?

Мышь не ответила. Только пискнула и убежала под шкаф.

— Понятно. Молчаливая поддержка. Уважаю.

Я натянула джинсы, свою любимую футболку с надписью «Я не спорю, я объясняю» и отправилась на поиски кофе. В усадьбе пахло пылью, старым деревом и — о чудо! — чем-то съестным. Я спустилась на первый этаж и обнаружила Ольгу Петровну, смотрительницу, которая колдовала над плитой.

— Доброе утро, милая, — улыбнулась она. — Ты, должно быть, Ева. Артём Викторович сказал, что ты приехала.

— Артём Викторович? — я усмехнулась. — Он что, требует обращаться к нему по имени-отчеству?

— Ой, нет, — Ольга Петровна махнула рукой. — Это я так, из вредности. Он у нас серьёзный очень. Всё по бумажкам, всё по правилам. А ты, я смотрю, другая.

— Другая, — согласилась я. — И очень хочу кофе.

Ольга Петровна налила мне кружку — не автоматную, а настоящую, сваренную в турке — и пододвинула тарелку с сырниками. Я чуть не прослезилась.

— Спасибо. Вы мой спаситель.

— Ой, не говори так, — она понизила голос. — А то Артём Викторович услышит, скажет, что я нарушаю регламент питания.

Мы обе прыснули. В этот момент в кухню вошёл предмет нашего обсуждения — в том же сером костюме, с тем же планшетом, с тем же выражением лица.

— Доброе утро, — сказал он. — Ева, через пятнадцать минут жду вас в гостиной. Нужно провести инструктаж.

— Инструктаж? — я откусила сырник. — Мне?

— Вам. По технике безопасности и правилам поведения на объекте.

Я посмотрела на Ольгу Петровну. Ольга Петровна посмотрела на меня. Мы обе одновременно подумали одно и то же, но вслух ничего не сказали.

— Хорошо, — вздохнула я. — Только кофе допью.

— Пятнадцать минут, — повторил он и вышел.

— Вот всегда он так, — прошептала Ольга Петровна. — Как робот.

— Ага, — кивнула я. — Человек-инструкция.

Ровно через пятнадцать минут я сидела в гостиной на продавленном кресле и слушала, как Артём зачитывает мне пра-

вила.

— Пункт первый: нахождение на объекте без защитной маски и перчаток запрещено. Пункт второй: все инструменты должны храниться в специально отведённом месте. Пункт третий: при обнаружении исторических артефактов необходимо немедленно сообщить куратору...

— То есть вам, — вставила я.

— Мне, — он даже не поднял глаз. — Пункт четвёртый: запрещается самовольное вскрытие мебели, шкафов, ящиков и прочих ёмкостей, которые могут содержать исторические документы.

— А если я случайно открою ящик? Ну, чихну, и он откроется?

— Тогда вы будете обязаны немедленно его закрыть и позвать меня.

— А если я чихну два раза?

Он поднял на меня глаза. В них читалась такая усталость, будто он уже прожил со мной целую жизнь.

— Ева. Я понимаю, что для вас это, возможно, кажется смешным. Но здесь не просто дом. Это объект культурного наследия. Всё, что находится внутри, — это история. И я не позволю её испортить.

Я вздохнула. Медленно. Как учил психолог.

— Артём. Я реставратор. Я не испорчу. Я восстановлю.

— Посмотрим, — сказал он и закрыл планшет. — Инструктаж окончен. Можете приступать. Начните с кресел в

этой комнате. И не трогайте стол.

— Какой стол? — я сделала невинное лицо.

Он посмотрел на меня так, будто я только что назвала его маму дворовой собакой.

— Вон тот, — он указал на массивный письменный стол в углу гостиной, покрытый резьбой и слоем пыли толщиной в палец. — Вот этот. Не трогать.

— Поняла. Не трогать.

Он ушёл. А я осталась сидеть в кресле, глядя на стол и думая: «Ну конечно, я его не трону. Только посмотрю. Одним глазком».

Два часа я честно работала с креслами. Они были в ужасном состоянии: обивка порвана, дерево поцарапано, ножки шатались. Но это была моя стихия. Я включила музыку в наушниках — старый джаз, под который работала ещё моя бабушка, — и погрузилась в процесс. Шлифовка, пропитка, замена пружин. В такие моменты я забывала обо всём.

Почти обо всём.

Потому что стол в углу продолжал на меня смотреть. Он был как тот самый запретный плод. И я, как любая нормальная женщина, которая слышала слово «нельзя», немедленно захотела его нарушить.

— Ну ладно, — сказала я себе, отложив шлифовальную машинку. — Я просто посмотрю. Не буду открывать. Просто посмотрю.

Я подошла к столу. Он был красивый. Массивный, из тём-

ного ореха, с резными ножками и ящичками, которые так и просили, чтобы их открыли. На крышке лежала пыль, но под пылью я разглядела тонкую инкрустацию — узор из разных пород дерева.

— Ты красавец, — прошептала я. — Тебя лет сто никто не любил.

Я провела рукой по крышке и вдруг заметила, что один из ящичков был приоткрыт. Совсем чуть-чуть. Наверное, от сквозняка. Или от времени.

«Это не я, — подумала я. — Это он сам. Я только посмотрю, что там, и закрою обратно».

Я потянула за ручку. Ящик открылся с тихим скрипом, и я увидела внутри стопку пожелтевших бумаг, перевязанных лентой. А сверху лежала фотография — старая, чёрно-белая, с потрескавшимися краями. На ней была женщина в платье с высоким воротом, с длинными волосами, убранными в пучок. Она смотрела в камеру с той особенной улыбкой, которая бывает только у людей, которые точно знают, кого они любят.

Я взяла фотографию. На обратной стороне была надпись, сделанная выцветшими чернилами: «Анне. Навсегда твой. 1897».

— Ничего себе, — прошептала я. — Анна. Кто ты?

— Что вы делаете?

Я подпрыгнула. Артём стоял в дверях с таким лицом, будто застал меня за убийством.

— Я... — я попыталась спрятать фотографию за спину, но было поздно.

— Я же сказал: не трогать стол.

— Я не трогала! Он сам открылся!

— Ящики сами не открываются.

— Этот открылся! Я просто посмотрела!

Он подошёл быстрым шагом. Я думала, он сейчас закричит. Но он просто стоял и смотрел на фотографию в моей руке. И вдруг его лицо изменилось. Не сильно. Но я заметила.

— Где вы это взяли? — спросил он тише.

— В ящике. Там ещё бумаги. Письма, кажется.

Он протянул руку.

— Дайте сюда.

— Артём, это же находка. Это же история. Вы понимаете, что...

— Я понимаю, — перебил он. — Дайте сюда.

Я отдала. Он посмотрел на фотографию, прочитал надпись, и его челюсти сжались.

— Это Анна Львовна, — сказал он наконец. — Дочь последнего владельца усадьбы. Она жила здесь в конце девятнадцатого века.

— А кто такой «навсегда твой»? У неё был возлюбленный?

— Я не знаю, — отрезал он. — И вам не следует это выяснять. Это личное. Семейное.

— Семейное? — я нахмурилась. — Но это же история.

Какая разница, чья она?

— Разница есть, — он положил фотографию обратно в ящик и закрыл его. — И я прошу вас больше не открывать этот стол. Если вы найдёте что-то ещё, зовите меня. Понятно?

— Понятно, — сказала я. — Но я всё равно не понимаю.

— Я знаю, — он вздохнул. — Вы вообще мало что понимаете.

Он ушёл. А я осталась стоять посреди гостиной, глядя на закрытый ящик, и думала: «Что ты скрываешь, человек-инструкция?»

Вечером я сидела на подоконнике в своей комнате и писала в блокноте.

«Объект: человек-инструкция. Особые приметы: планшет, ледяной взгляд, отсутствие чувства юмора. Способ обезвреживания: неизвестен. Дополнительно: знает больше, чем говорит. Зачем-то скрывает историю дома. Вопрос: почему?»

Я закрыла блокнот и посмотрела в окно. За стеклом темнел сад, и в свете луны я видела, как кто-то ходит по дорожке. Артём. Он брёл один, засунув руки в карманы, и смотрел под ноги. В этот момент он не был похож на человека-инструкцию. Он был похож на человека, которому очень одиноко.

«Ладно, — подумала я. — Может, у тебя и есть сердце. Но я всё равно выясню, что ты скрываешь».

Я и не подозревала, что выясню гораздо больше. И что это

«больше» изменит всё.

Глава 3. Ночь в усадьбе

Я не верю в привидений. Но в три часа ночи в старом доме, где скрипит каждая половица, где балдахин над кроватью подозрительно напоминает крышку гроба, а за окном ветер воет так, будто ему тоже одиноко, — начинаешь пересматривать свои убеждения.

Сон не шёл. В голове крутилась фотография Анны. Надпись «Навсегда твой». Лицо Артёма, когда он её увидел. Не злость. Не раздражение. Что-то другое. Что-то, от чего у меня заныло под рёбрами.

Я натянула толстовку, сунула ноги в тапочки и вышла в коридор. Мне нужен был чай. Или валерьянка. Или мужчина, который объяснит, почему он такой.

Кухня светилась в темноте, как маяк. Я толкнула дверь и замерла.

Артём сидел спиной ко мне. Не в сером костюме. В простой футболке, серой, выцветшей, с потёртым воротом. Волосы взъерошены, будто он сто раз провёл по ним рукой. Перед ним — кружка, в которой давно остыл чай. Он не пил. Он просто смотрел в стену.

И в этот момент я поняла: человек-инструкция не спит по ночам. Человек-инструкция тоже иногда сидит на кухне в три часа и смотрит в стену, потому что внутри у него что-то сломано.

— Вы тоже не спите, — сказала я.

Он обернулся. Не вздрогнул. Не натянул маску. Просто посмотрел — устало, без брони.

— Бывает.

— А я думала, у вас всё по расписанию. С десяти до шести. Согласно регламенту.

Уголок его рта дёрнулся. Я начинала коллекционировать эти микрожесты, как редкие монеты.

— Садитесь, — он кивнул на стул. — Чай есть. Зелёный. Без сахара.

— Зелёный без сахара? — я поморщилась. — Вы что, издеваетесь?

— Забочусь о вашем здоровье.

— Моё здоровье рухнет без кофеина и сахара. У вас есть что-нибудь более... живое?

Он молча встал, открыл шкафчик и достал коробку «Ахмата». Обычный чёрный чай в пакетиках. Я посмотрела на него как на человека, который только что спас мир.

— Вы только что спасли мою ночь.

— Не преувеличивайте.

Я заварила чай, села напротив. Кружка обожгла ладони — приятно, по-настоящему. За окном дождь стучал по стеклу, как запоздалый гость. Где-то наверху скрипнула половица. Мышь. Или призрак графини. Я уже не разбиралась.

— Можно вопрос? — сказала я.

— У вас есть выбор?

— Нет. — Я отхлебнула чай. — Почему реставрация? Почему не что-то... живое? Люди? События? Ну, не знаю. Спасать детей. Или собак.

Он посмотрел на меня внимательно. Я ждала отшутится. Отмахнётся. Но он ответил.

— Потому что старые дома честнее людей.

Я подняла бровь.

— Это как?

— Дом не притворяется, — он обвёл рукой кухню. — Видите трещину на потолке? Она не говорит, что всё в порядке. Видите сгнившее окно? Оно не улыбается и не врёт, что ему хорошо. Всё честно. Всё видно. Его можно понять. Починить. Предсказать. А люди... — он замолчал.

— А люди — нет, — закончила я.

— Люди — нет.

Он отпил чай. Я смотрела на его руки — длинные пальцы, тонкие запястья, на левой руке нет обручального кольца, но есть светлая полоска, будто кольцо носили долго и сняли недавно. Или не снимали, но оно само исчезло.

— А вы? — спросил он. — Почему реставрация?

Я могла отшутиться. Сказать что-то про любовь к старью и нежелание работать в офисе. Но в его взгляде было что-то, от чего врать не хотелось.

— Потому что вещи не предают, — сказала я.

Он ждал. Не перебивал.

— Они могут сломаться. Порваться. Сгнить. Но они не

уходят. Не говорят, что ты недостаточно хороша. Не выбирают кого-то другого. Не обещают, что вернутся, и не исчезают на три месяца. Они просто... ждут. Пока ты вернёшься и починишь их.

Я замолчала. В горле стоял комок, который я не заказывала. Артём ничего не сказал. Но его рука, лежавшая на столе, чуть дрогнула. Он быстро убрал её, спрятал под стол, но я успела заметить.

— Это... — он кашлянул. — Это необычный подход к профессии.

— Это не подход. Это причина.

Тишина. Другая. Не пустая. Наполненная чем-то, что я не могла назвать. Дождь за окном стих. Даже мышь наверху, кажется, затаилась.

— Я потерял человека, — сказал он вдруг. Тихо. Почти шёпотом. — Пять лет назад. Она погибла. Я был за рулём.

Кружка в моих руках стала тяжёлой. Я поставила её на стол. Медленно.

— Артём...

— Не надо, — он поднял руку. — Я не прошу сочувствия. Я просто хочу, чтобы вы понимали. Я не такой, каким кажусь.

— А какой вы?

Он посмотрел мне прямо в глаза. Без брони. Без маски.

— Сломанный. Как один из этих домов. Треснувший. И я не уверен, что меня можно починить.

Я хотела сказать что-то. Что-то важное. Что-то, что могло бы его утешить. Но вместо этого сказала:

— А вы пробовали?

— Что?

— Починить себя. Или вы просто закрыли дверь и повесили табличку «Реставрации не подлежит»?

Он смотрел на меня так, будто я ударила его. А потом — впервые за всё время — он улыбнулся. По-настоящему. Уголки губ поднялись, в глазах что-то блеснуло. Не смех. Что-то глубже.

— Вы невозможная, — сказал он.

— Я знаю. — Я подняла кружку. — За невозможных.

Он чокнулся со мной. Мы пили чай в тишине, и дождь снова застучал по стеклу, и где-то наверху мышь, наверное, доедала мой рюкзак.

Я смотрела на него — на этого человека-инструкцию, который сидел напротив в растянутой футболке, с взъерошенными волосами и глазами, в которых плескалась такая усталость, что мне захотелось обнять его. Просто обнять. Без слов.

И в этот момент я поняла: человек-инструкция — это не маска. Это броня. А под ней — кто-то очень уставший. И очень одинокий. И этот кто-то смотрел на меня так, будто я была первым человеком за пять лет, который сказал ему что-то, кроме «здравствуйте, согласно регламенту».

«Ладно, — подумала я. — Может, тебя и правда нельзя

починить. Но я, чёрт возьми, попробую».

Я не знала тогда, что он подумал то же самое обо мне.

И я не знала, что через два дня найду в том самом столе письмо, которое перевернёт всё. Не только историю дома. Но и нас.

Глава 4. Стол с секретом

Утром Артём объявил, что уезжает в город.

— По делам фонда, — сказал он, застёгивая пиджак. — Вернусь к вечеру. Надеюсь, без сюрпризов.

— Обижаете, — я приложила руку к груди. — Я сама ответственность.

— Именно поэтому я и волнуюсь.

Он ушёл. Я проводила его взглядом из окна — серая фигура, шагающая по гравийной дорожке к машине. Ровный шаг. Прямая спина. Человек-инструкция в своей естественной среде обитания.

А потом я осталась одна. С домом. С креслами. И со столом, который смотрел на меня из угла гостиной, как брошенный щенок.

Я честно работала два часа. Правда. Отреставрировала одну ножку кресла, заменила пружину, даже нашла в кладовке подходящую ткань для обивки. Но стол не отпускал. Я чувствовала его взгляд спиной. Он знал, что я знаю, что там что-то есть.

«Не трогать», — сказал Артём.

Но он также сказал: «Если найдёте что-то ещё, зовите меня». А как я могу позвать, если не знаю, что там? Логично? Логично.

Я подошла к столу. Провела рукой по крышке. Пыль. Ин-

крустация. Резные ножки. И ящичек, который вчера был приоткрыт, а сегодня — плотно закрыт. Кто его закрыл? Артём. Конечно, Артём. Он вернулся ночью и закрыл его. Или дождался, пока я усну, и проверил, не трогала ли я что-нибудь ещё.

«Прости, человек-инструкция, — подумала я. — Но я реставратор. Я не могу оставить историю гнить в ящике».

Я потянула за ручку. Ящик открылся с тихим скрипом — тем самым звуком, который бывает в старых домах, когда дерево вспоминает, что оно живое. Внутри лежала стопка писем, перевязанная шёлковой лентой, выцветшей до цвета старой кости. И фотография Анны — та самая, которую я уже видела. Я взяла письма. Лента рассыпалась в пальцах.

Верхнее письмо было сложено вчетверо. Бумага пожелтела, чернила выцвели, но буквы ещё читались. Я развернула его осторожно, как хирург — скальпелем.

«Милая Анна,

Я знаю, что не должен писать вам. Ваш отец ясно дал понять, что моё присутствие в вашем доме — это оскорбление для его рода. Но я не могу молчать. Я архитектор, я привык говорить языком чертежей и цифр. Но с тех пор, как я увидел вас в саду — в тот вечер, когда вы читали книгу под липой, — мой язык стал мне непослушен.

Я построил этот дом. Я знаю каждую его трещину, каждую балку, каждый гвоздь. Но я не знал, что в нём будет жить человек, который станет для меня важнее любого проекта.

Ваш отец говорит, что я — никто. Что я не имею права даже смотреть на вас. Но я смотрю. И буду смотреть, пока вы позволяете.

Если вы никогда не ответите на это письмо, я пойму. Но если ответите — я буду ждать вас в беседке у пруда. Каждый вечер. В семь.

Навсегда ваш,Д.

P.S. Я знаю, что вы боитесь. Я тоже. Но страх — это не повод не любить».

Я дочитала и обнаружила, что не дышу. Выдохнула. Медленно. Как учил психолог.

— Вот это да, — прошептала я. — Вот это история.

Я взяла следующее письмо. Потом ещё одно. Они были перемешаны — не по порядку. Но из них складывалась картина. Анна Львовна, дочь владельца усадьбы, дворянка. И Д. — архитектор, построивший этот дом. Он был простолюдином. Её отец был против. Они встречались тайно. В беседке у пруда. В семь вечера.

Я читала, как они планировали побег. Как Анна писала о том, что готова отказаться от титула, от наследства, от семьи — ради него. Как Д. обещал, что построит ей дом, в котором она будет счастлива. Как они мечтали о детях, о саде, о жизни, в которой никто не будет указывать, кого им любить.

А потом письма оборвались. Последнее было коротким. Всего три строчки. Почерк Анны — торопливый, смазанный, будто она писала в спешке.

«Он узнал. Отец узнал. Он говорит, что убьёт его, если я не прекращу. Я не знаю, что делать. Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя. Прости меня».

И всё. Ни подписи. Ни даты. Просто три строчки, от которых у меня защемило сердце.

— Что же вы натворили, Анна Львовна? — прошептала я. — И что сделал твой отец?

Я сидела на полу гостиной, вокруг меня — письма, в руках — фотография. И в этот момент я услышала шаги.

Артём стоял в дверях. Я не слышала, как подъехала машина. Не слышала, как открылась дверь. Но он был здесь. И он смотрел на меня так, будто я только что сожгла дом.

— Я же сказал, — тихо произнёс он. Голос был ровным. Слишком ровным. — Не трогать.

Я вскочила. Письма рассыпались по полу.

— Артём, послушай...

— Я сказал: не трогать.

— Я нашла письма! Это же история! Это же... это же любовь, которая...

— Это не твоё дело.

Он подошёл. Быстро. Я думала, он закричит. Но он просто наклонился, собрал письма — аккуратно, одно за другим — и сложил их обратно в ящик. Его руки дрожали. Я видела.

— Артём. — Я говорила тихо, как с раненым зверем. — Кто такой Д.?

Он замер. Спиной ко мне. Плечи напряглись.

— Не знаю.

— Ты знаешь. Ты знаешь больше, чем говоришь. Ты знал об этих письмах. Ты знал, что они здесь.

Он обернулся. И в его глазах было что-то, от чего мне стало страшно. Не злость. Страх.

— Ева, — сказал он. — Пожалуйста. Не лезь в это.

— Почему?

— Потому что это не просто письма. Это... — он замолчал. Сжал челюсти. — Это моя семья.

Я замерла.

— Что?

— Анна Львовна — моя прапрабабушка. — Он выдохнул. Медленно. — А Д. — архитектор Дмитрий Соколов. Мой прапрадед. Они так и не поженились. Он исчез. Она вышла замуж за другого. Родила дочь. Мою прабабушку. И всю жизнь хранила эти письма в столе.

Я смотрела на него и не могла вымолвить ни слова.

— Поэтому ты здесь, — прошептала я. — Ты не просто куратор. Ты приехал сюда, чтобы найти...

— Чтобы найти правду, — перебил он. — Да. Я знал, что в усадьбе есть письма. Знал, что они могут быть здесь. Но я не знал, что они... такие. — Он кивнул на ящик. — Я не знал, что он любил её так.

Он сел на кресло. Тяжело. Как человек, который держал что-то в себе слишком долго.

— Мой дед рассказывал, что Анна Львовна была холод-

ной. Закрытой. Никогда не говорила о прошлом. Семья считала, что она просто... смирилась. Вышла замуж по расчёту. Жила как все. — Он посмотрел на меня. — А она, оказывается, писала ему. Любила его. До конца.

— А что случилось с Дмитрием? — спросила я. — Почему он исчез?

— Я не знаю. — Артём покачал головой. — Дед не знал. Никто не знал. Он просто исчез. После того, как её отец узнал. — Он замолчал. — Может, он уехал. Может, его... — он не закончил.

— Может, его убили, — сказала я.

Артём посмотрел на меня. Долго. А потом кивнул.

— Может.

Мы сидели в тишине. Письма лежали в ящике. Фотография Анны смотрела на нас со стола. «Навсегда твой». Я думала о том, что эта женщина жила здесь. Любила здесь. Страдала здесь. И никто не знал.

— Артём, — сказала я тихо. — Мы должны узнать, что с ним случилось.

— Я знаю.

— Ты не сможешь сделать это один.

Он посмотрел на меня. И в его взгляде было что-то новое. Не страх. Не злость. Что-то, похожее на... надежду.

— Ты поможешь?

— Я реставратор, — сказала я. — Я восстанавливаю то, что сломано. А эта история сломана. И она ждёт, чтобы её

починили.

Он улыбнулся. Слабо. Но по-настоящему.

— Хорошо. Но сначала — чай. И, — он посмотрел на рассыпанные письма, — расскажи мне всё, что ты прочитала.

Я кивнула. И в этот момент поняла, что мы только что пересекли черту. Из врагов — в союзников. Из «человека-инструкции» и «невозможной женщины» — в кого-то других.

Я не знала, кем мы станем. Но я знала, что теперь мы вместе. И это меняло всё.

Глава 5. Гроза

Гроза началась в девять вечера.

Сначала просто потемнело — резко, будто кто-то выключил свет в огромном театре. Потом ветер ударил в окна так, что стёкла задребезжали. А затем небо разорвалось. Молния — яркая, белая, на всю ширину горизонта. Гром — такой, что задрожали стены. И свет погас.

Я сидела в гостиной над письмами — мы с Артёмом весь вечер разбирали их, раскладывая по датам, — и вдруг оказалась в кромешной тьме.

— Только не это, — сказала я в пустоту.

— Спокойно, — раздался голос Артёма откуда-то слева. — Это старая проводка. Сейчас найду свечи.

Я слышала, как он двигается, как открывается ящик, как чиркает спичка. Через секунду вспыхнул огонёк — маленький, тёплый, живой. Артём держал свечу в подсвечнике, и его лицо в этом свете было другим. Мягче. Без брони.

— У нас есть план на случай апокалипсиса? — спросила я.

— Есть. — Он поставил свечу на стол. — Переждать.

— Гениально. Вы гений стратегии.

Он не ответил. Просто достал из шкафа ещё несколько свечей и зажёг их. Гостиная наполнилась дрожащим жёлтым светом. Тени заплясали по стенам. Дождь барабанил по стеклу, ветер выл в трубе, и в этом хаосе звуков было что-то

странно уютное.

— Надо проверить, всё ли в порядке с инструментами, — сказала я, вставая. — Если вода попадёт в мастерскую...

— Я проверю.

— Вместе пойдём. Вдруг вас призрак графини съест.

Он посмотрел на меня. В свете свечи его глаза были не ледяными, а тёмными, тёплыми. Как чай.

— Вы невозможная.

— Вы повторяетесь.

Мы пошли по тёмному коридору. Артём впереди со свечой, я за ним, держась за его рубашку — на всякий случай, чтобы не упасть. Или чтобы он не упал. Или просто потому, что мне было страшно. Нет, не так. Мне не было страшно. Мне было... что-то другое. Что-то, от чего сердце билось быстрее, чем от страха.

Мастерская была в порядке — окна закрыты, инструменты на месте. Мы вернулись в гостиную, и Артём закрыл дверь, отсекая вой ветра.

— Будем ждать, — сказал он. — Электричество обычно возвращается через час-два.

— Час-два? — я села на кресло, поджав ноги. — И чем мы будем заниматься?

— Разговаривать.

— О чём?

— О чём угодно. — Он сел напротив. В свете свечей его лицо казалось моложе. Усталость ушла куда-то, оставив

только... его. Настоящего. — Расскажите мне что-нибудь. Что-нибудь, что вы никому не рассказывали.

Я задумалась. Свеча потрескивала. Дождь стучал по стеклу, как будто просился в дом.

— Я боюсь темноты, — сказала я. — Не так, как нормальные люди. А по-настоящему. С детства. Я не могу спать без света. Когда я была маленькой, я думала, что в темноте живёт кто-то, кто хочет меня забрать. И я до сих пор... — я замолчала. — Глупо, да?

— Нет.

Он смотрел на меня без насмешки. Без жалости. Просто смотрел.

— Я тоже боюсь, — сказал он. — Только не темноты. Я боюсь тишины. Потому что в тишине я слышу... — он замолчал. Сжал челюсти. — Я слышу визг тормозов. Каждый раз. Пять лет. Каждую ночь.

Я не знала, что сказать. Слова казались слишком маленькими для такого.

— Это не ваша вина, — сказала я наконец.

— Вы не знаете.

— Я знаю, что вы не хотели. Этого достаточно.

Он поднял на меня глаза. И в этот момент молния ударила где-то совсем близко — свет взорвался, гром грянул так, что задребезжали стёкла. Я вскрикнула. Не от страха — от неожиданности. Или от страха. Не важно.

Артём оказался рядом. Не помню, как он встал. Просто в

одну секунду он был на другой стороне комнаты, а в следующую — уже держал меня за плечи. Его руки были тёплыми. Крепкими. Настоящими.

— Я здесь, — сказал он. — Я здесь.

Я смотрела на него снизу вверх. Свеча горела где-то за его спиной, и его лицо было в тени, но глаза — глаза я видела. В них было столько всего, что у меня перехватило дыхание. Страх. Нежность. Одиночество. И что-то ещё. Что-то, от чего у меня подкосились ноги.

— Артём...

Он не поцеловал меня. Но он не отстранился. Он просто стоял, держа меня за плечи, и смотрел так, будто я была ответом на вопрос, который он боялся задать.

— Вы дрожите, — сказал он тихо.

— Это гроза.

— Это не гроза.

Я выдохнула. Медленно. Как учил психолог.

— Нет. Не гроза.

Он отпустил меня. Медленно. Будто ему было больно это делать. Отошёл на шаг. Потом ещё на шаг. Вернулся на своё кресло. Сел. Взял свечу в руки и уставился на огонь.

— Нам нельзя, — сказал он. — Я не могу.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы вы стали ещё одной потерей.

Я села на своё место. Напротив. Смотрела на него — на

этого человека, который боялся не темноты, а тишины. Который держал меня за плечи и не оттолкнул. Который был сломан, но не хотел, чтобы его чинили.

— А если я не потеря? — сказала я. — Если я здесь. Просто здесь. Сейчас.

Он посмотрел на меня. Долго. Свеча горела между нами, и её пламя дрожало, как будто тоже боялось.

— Вы не понимаете, — сказал он.

— Тогда объясните.

Он открыл рот. Закрыл. Открыл снова. И вдруг рассмеялся — горько, тихо. — Вы первая, кто просит объяснить. Обычно все просто уходят.

— Я не все.

— Да. — Он покачал головой. — Вы — невозможная.

— Вы уже говорили.

— Говорю ещё раз.

Мы сидели в тишине. Дождь стихал. Ветер уже не выл, а просто шелестел. Где-то далеко, на другом конце усадьбы, щёлкнуло. Свет вернулся.

Комната залилась электрическим светом, и волшебство исчезло. Артём зажмурился, как будто его застали за чем-то постыдным. Встал.

— Уже поздно. Надо спать.

— Артём.

Он остановился в дверях. Не обернулся.

— Спасибо, — сказала я. — За то, что были здесь.

Он кивнул. И вышел. А я осталась сидеть на кресле, глядя на погасшую свечу и думая о том, что я только что чуть не потеряла голову. Или уже потеряла.

«Ева, — сказала я себе. — Ты вляпалась. По полной».

Я не знала тогда, что это только начало. Что через неделю он поцелует меня на крыльце. Что через месяц я уеду, потому что он испугается. И что через два месяца я вернусь, чтобы найти правду о Дмитрии и Анне — и заодно понять, что правда о нас с Артёмом важнее, чем я думала.

Но в тот момент я просто сидела в свете вернувшегося электричества и улыбалась. Как дура. Счастливая дура.

Глава 6. Утро после грозы

Утро пахло мокрой землёй и свежим кофе.

Я спустилась на кухню и обнаружила Артёма у плиты. В футболке. С взъерошенными волосами. С сковородкой в руках. Он готовил омлет. Человек-инструкция готовил омлет. Я остановилась в дверях, чтобы зафиксировать это историческое событие.

— Вы готовите? — спросила я.

— А что, это запрещено регламентом?

— Нет. Просто неожиданно. Я думала, вы питаетесь протоколами и инструкциями.

— Протоколы некалорийные. — Он кивнул на стол. — Садитесь. Кофе уже налит.

Я села. Кофе был чёрный, крепкий, как я люблю. Омлет — с помидорами и зеленью. Я попробовала. И застонала.

— Это вкусно. Почему вы не сказали, что умеете готовить?

— Вы не спрашивали.

— А что ещё вы скрываете?

Он посмотрел на меня. В его глазах что-то блеснуло. Уголок рта дёрнулся.

— Многое.

Мы завтракали в тишине. Но это была другая тишина — не настороженная, не пустая. Уютная. Как старая кофта. За

окном светило солнце, и мокрый сад блестел, как будто его покрыли лаком.

— Я думал о вчерашнем, — сказал Артём вдруг.

Я замерла с вилкой в руке.

— О чём именно?

— О том, что вы сказали. Про то, что я не хочу, чтобы меня чинили. — Он отставил чашку. — Вы правы. Я не хочу. Но... — он замолчал. Подбирал слова. — Но я думаю, что, может быть, стоит попробовать.

Я чуть не уронила вилку.

— Артём Соколов, вы только что сказали что-то человеческое. Мне вызвать врача?

— Не надо. — Он усмехнулся. — Я ещё не закончил. Я хотел сказать... — Он посмотрел на меня прямо. — Я не знаю, что из этого выйдет. Я не умею. Я разучился. Но если вы готовы терпеть человека, который боится тишины и не умеет говорить о чувствах...

— Готова, — сказала я. Слишком быстро. Слишком честно.

Он улыбнулся. По-настоящему. И в этот момент зазвонил его телефон.

Он посмотрел на экран. Улыбка исчезла. Лицо снова стало лицом человека-инструкции — только теперь я знала, чего ему это стоит.

— Соколов, — сказал он в трубку. — Да. Да, я понимаю. Хорошо. Сегодня. — Он положил трубку. — Фонд проводит

аудит. Комиссия приедет сегодня.

— Сегодня? — я посмотрела на часы. — У нас же работы непочатый край. Кресла не готовы, стол не описан, письма не систематизированы...

— Я знаю. — Он уже вставал, застёгивая рубашку. — Поэтому предлагаю разделиться. Вы заканчиваете с креслами. Я подготовлю документы по письмам. И, Ева... — он остановился в дверях. — Насчёт того, что я сказал. Это не отменяется. Просто... откладывается.

— Я запомню, — сказала я.

Он кивнул и вышел. А я осталась сидеть на кухне, глядя на недоеденный омлет и думая о том, что впервые за пять лет кто-то пообещал мне что-то важное. И я почему-то верила, что он не забудет.

Комиссия приехала в три часа дня.

Я была в гостиной, на коленях, с шлифовальной машинкой в руках, когда услышала шаги. Много шагов. Я подняла голову и увидела трёх человек в строгих костюмах — мужчина, женщина и ещё один мужчина с папкой. Они смотрели на меня так, будто я была экспонатом, который кто-то забыл убрать в витрину.

— Ева Марченко? — спросила женщина. — Мы из фонда. Проверка.

— Да, конечно. — Я встала, отряхивая пыль с джинсов. — Проходите. Артём Викторович сейчас подойдёт.

Артём появился через минуту — уже в пиджаке, с план-

шетом, с лицом человека, который готов к бою. Они ушли в кабинет. Я осталась в гостиной, но сквозь приоткрытую дверь слышала обрывки разговора.

— ...отчёт по реставрации... — голос женщины.

— ...сроки... — голос мужчины.

— ...грант... — голос Артёма. Ровный. Спокойный.

А потом — тишина. Долгая. Слишком долгая.

Я подошла ближе. Заглянула в щель. Артём стоял спиной ко мне, держал в руках какую-то бумагу. Женщина из фонда что-то говорила ему — тихо, но настойчиво. Я видела, как напряглись его плечи. Как сжались кулаки.

— Это неприемлемо, — сказал он вдруг. Громко. Чётко.

— Это решение фонда, — ответила женщина. — Грант приостановлен до выяснения обстоятельств.

— Каких обстоятельств?

— Жалоба. На вашу... некомпетентность. И на поведение вашей подопечной.

Я замерла. Моей подопечной? Это они про меня?

— Кто подал жалобу? — спросил Артём.

Женщина что-то сказала. Я не расслышала. Но Артём вдруг обернулся — и увидел меня в дверях. Наши глаза встретились. И в его взгляде было столько вины, что у меня похолодели пальцы.

— Ева, — сказал он. — Зайди.

Я вошла. Комиссия смотрела на меня с вежливым равнодушием. Женщина держала в руках документ.

— Жалоба от Максима Марченко, — сказала она. — Вашего бывшего мужа. Он утверждает, что вы... — она замялась, — ...нестабильны. Что у вас были проблемы с психикой после развода. И что вы можете нанести ущерб объекту культурного наследия.

Я почувствовала, как пол уходит из-под ног.

— Это ложь, — сказала я. Голос дрогнул. — Он... он абьюзер. Он меня... — я замолчала. Не хотела говорить это при комиссии. Не хотела, чтобы они видели мою слабость.

— Мы обязаны проверить, — сказала женщина. — До окончания проверки грант приостановлен. Работы должны быть прекращены.

— Это абсурд, — сказал Артём. — Она лучший реставратор, который работал на этом объекте. Я лично проверял её работу. Каждую деталь.

— Мы понимаем, Артём Викторович. Но правила...

— К чёрту правила! — он ударил ладонью по столу. Я вздрогнула. Никогда не видела его таким. — Эта женщина не заслуживает...

— Артём, — сказала я тихо. — Хватит.

Он замолчал. Посмотрел на меня. Я покачала головой. Не надо. Не сейчас. Не так.

— Мы закончим проверку в течение недели, — сказала женщина, вставая. — До тех пор — никаких работ. До свидания.

Они ушли. Артём стоял неподвижно, глядя на закрытую

дверь. Я села на кресло — то самое, которое реставрировала — и почувствовала, как внутри что-то обрывается.

— Я не знала, что он это сделает, — сказала я. — Я не думала, что он...

— Я его найду, — сказал Артём. Голос был тихим. Опасным. — Я найду его и...

— И что? — я подняла на него глаза. — Что ты сделаешь? Ударишь? Запугаешь? Это не поможет. Он этого и добивается. Он хочет, чтобы я сломалась.

Артём подошёл. Сел рядом. Взял меня за руку. Его ладонь была тёплой. Шершавой. Настоящей.

— Ты не сломаешься, — сказал он. — Я не позволю.

— Как ты мне поможешь? Ты не можешь отменить решение фонда.

— Могу. — Он сжал мою руку. — Я знаю людей. Я знаю, как работают эти комиссии. Я добьюсь, чтобы проверку провели заново. С нормальными сроками. С возможностью предоставить доказательства. — Он посмотрел на меня. — Но для этого мне нужно, чтобы ты кое-что сделала.

— Что?

— Рассказала мне всё. О нём. О том, что он с тобой делал. Мне нужно знать, с чем мы имеем дело.

Я смотрела на него. На человека, который боялся тишины. На человека, который держал меня за руку и не отпускал. На человека, который только что пообещал бороться за меня.

— Хорошо, — сказала я. — Расскажу.

И я рассказала. Всё. Как Максим говорил, что я недостаточно хороша. Как он контролировал каждый мой шаг. Как он убеждал меня, что без него я никто. Как я ушла — с одним рюкзаком и шпателем в руках.

Артём слушал. Не перебивал. Не давал советов. Просто слушал. А когда я закончила, он сказал:

— Я убью его.

Я рассмеялась. Сквозь слёзы, которые даже не заметила.

— Не надо. Тюрьма тебе не пойдёт.

— Тогда я его уничтожу по-другому. Легально. — Он улыбнулся. — Я юрист по образованию. Второе высшее. Я знаю, как это делается.

Я смотрела на него и думала: «Кто ты, Артём Соколов? Человек-инструкция, который готовит омлет, боится тишины, знает законы и держит меня за руку так, будто я — самое ценное, что у него есть».

— Спасибо, — сказала я.

— Не благодари. Я делаю это не для тебя. — Он помолчал. — То есть для тебя. Но не только. Я делаю это, потому что... — он запнулся, — ...потому что ты — невозможная. И я не позволю какой-то бумажке это изменить.

Я улыбнулась. И в этот момент поняла, что пропала. Окончательно. Бесповоротно.

— Артём.

— Что?

— Ты только что сказал «ты». Не «вы».

Он замер. Посмотрел на меня. И вдруг покраснел. Настоящий Артём Соколов, человек-инструкция, покраснел.

— Это... случайно.

— Конечно, — сказала я. — Случайно.

Он отпустил мою руку. Встал. Отошёл к окну. Но я видела, как дрогнули его плечи. И как он улыбался, глядя на мокрый сад.

«Всё будет хорошо, — подумала я. — Мы справимся».

Я не знала тогда, что через два дня Максим приедет в усадьбу. Что Артём встанет между нами. И что этот момент изменит всё.

Глава 7. Письмо

Три дня мы жили в подвешенном состоянии.

Артём уехал в город — «решать вопросы», как он сказал. Я осталась в усадьбе одна, с запретом на любые работы и с письмами, которые лежали в столе и жгли мне руки. Комиссия должна была вернуться в пятницу. До пятницы оставалось два дня.

Я не могла работать. Не могла реставрировать. Не могла даже думать о креслах, потому что каждое прикосновение к инструментам отдавалось чувством вины. Вместо этого я читала. Письмо за письмом. Разложила их на полу гостиной в хронологическом порядке — благо, даты были проставлены. И складывала историю Анны и Дмитрия, как мозаику.

Вот он пишет о том, как впервые увидел её в саду. Вот она отвечает — сначала сухо, потом теплее. Вот они договариваются о встрече в беседке. Вот он рассказывает, как тайком пробирается в усадьбу по ночам, чтобы увидеться с ней. Вот она признаётся, что отец начал что-то подозревать.

А потом — письмо, от которого у меня остановилось сердце.

«Анна, я знаю, что ты боишься. Я тоже боюсь. Но я не могу больше прятаться. Я пойду к твоему отцу. Я скажу ему, что люблю тебя. Что я построил этот дом для тебя, хотя тогда ещё не знал тебя. Что я готов отдать всё — всё, что у меня

есть, — чтобы быть с тобой.

Если он откажет — мы уедем. Я найду работу в другом городе. Я построю тебе новый дом. Я сделаю всё, чтобы ты была счастлива.

Жди меня завтра в беседке. В семь.

Навсегда твой,Д.»

Я перевернула лист. На обратной стороне — приписка, сделанная другим почерком. Женским. Торопливым.

«Он не пришёл. Я ждала до полуночи. Его нет. Что мне делать?»

Я отложила письмо. В горле стоял комок. Я знала, что будет дальше. Знала, что следующие письма будут другими. Но всё равно взяла следующее.

«Анна, прости меня. Я не могу прийти. Твой отец знает. Он угрожает. Не мне — тебе. Он говорит, что если я появлюсь ещё раз, он отправит тебя в монастырь. Или хуже. Я не могу этого допустить. Я люблю тебя слишком сильно, чтобы рисковать тобой.

Я уезжаю. Не ищи меня. Забудь.

Д.»

Под письмом — пятно. Тёмное, расплывшееся. Чернила? Или слёзы?

Я сидела на полу, вокруг меня — письма, в руках — последнее. И в этот момент я услышала шаги за спиной.

Артём стоял в дверях. В пальто. С сумкой в руках. Он вернулся. И он смотрел на меня — на письма, разложенные

по полу, на моё лицо, мокрое от слёз.

— Ты читала, — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

— Да. — Я не стала врать. — Я не могла не читать. Я реставратор, Артём. Я не могу оставить историю сломанной.

Он подошёл. Медленно. Снял пальто. Бросил на кресло. И вдруг сел рядом со мной. На пол. Человек-инструкция сидел на полу в гостиной, среди писем, и смотрел на меня без злости.

— Что там? — спросил он тихо. — В конце.

Я протянула ему последнее письмо. Он взял. Прочитал. Его лицо не изменилось. Но руки — руки дрожали.

— Он уехал, — сказал Артём. — Он просто... уехал.

— Он пытался защитить её. Твой прапрадед. Он думал, что если исчезнет, её отец оставит её в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.